

Марвин

**Я забыл, какого цвета твои волосы.
Я забыл, как искрятся твои глаза.
Я брожу по жизни брошенный.
И застыла на сердце слеза.**

www.nadiatretikov.com

Двадцать лет – большой срок для человеческой жизни...

Марвин потерял жену, когда ему было пятьдесят три года. Старший сын закончил факультет экологии и эволюционной биологии университета Торонто и уехал работать на север в институт по охране животных. Средний, по окончании колледжа искусств, работал в детском издательстве иллюстратором. Дочь как раз поступила в университет на факультет детской психологии и педагогики. Семья оставила шумный оживлённый район и без сожаления перебралась на окраину. Старший сын был очень доволен работой, звонил часто. Средний снимал маленькую студию в даунтауне, неподалёку от места работы, приезжал по выходным. Младшая дочь жила с родителями. Несмотря на то, что добираться на учёбу с нового места было далеко, она всё же решила остаться. Уезжала она рано утром, в половине седьмого, и часто возвращалась поздно вечером, выполнив домашние задания в библиотеке или у подруги.

Марвин гордился своими детьми. Они с Лиз хорошо потрудились. После рождения первенца жена оставила работу. Они решили, что так будет лучше для всех. Лиз иногда скучала по любимой работе, но всё же больше она любила детей и мужа. И Марвин старался давать ей возможность заниматься тем, что ей нравится. Лиз любила рисовать, вязать, вышивать. Была членом нескольких клубов и иногда даже участвовала в небольших выставках. Марвин очень любил свою жену, очень. За всю их совместную жизнь никогда не упрекал её за то, что иногда ему приходилось работать одновременно на нескольких работах. Он подрабатывал даже по ночам. Когда родилась маленькая Джулия, им пришлось особенно тяжело. Родители не могли помочь, и Лиз очень уставала с детьми. Личного времени у неё не оставалось совсем. Сыновья уже ходили в школу. После занятий нужно было развозить их по разным кружкам: оба занимались плаванием, карате и футболом. В то время Марвин работал в большой торговой фирме менеджером по продаже строительных материалов. Зарабатывал прилично, но и расходы были большие. В пятницу и субботу он подрабатывал ночью на складе. Иногда помогал своему другу в установке окон и дверей. Лиз с утра до вечера занималась детьми. Свободные вечера, которых у них почти не оставалось, проводили все вместе. Мальчишки росли

шумными и озорными. Марвин и сейчас не представляет, как у Лиз хватало на них сил и терпения. Джулия была замечательным ребёнком, спокойным и ласковым. Он любил её особенно. Она обнимала его своими ручонками за шею и целовала в щеку, всегда приговаривая: «Я так люблю тебя, папочка!» Сыновья то и дело просили помочь им разобраться с велосипедом или конструктором, спорили и наперебой рассказывали свои новости. Марвин любил эти воспоминания. Несмотря на все трудности, это были самые счастливые годы.

Лиз заболела неожиданно. У неё обнаружили рак крови, и она умерла очень быстро. Это случилось через год после переезда в новый дом. Столько было планов по обустройству дома! Купили они его очень недорого, место тихое – рядом парк, озеро. Сейчас район разросся, здесь выстроили большой торговый центр, а двадцать лет назад это был всего лишь небольшой жилой квартал на окраине города...

Марвин сидел на веранде, наслаждаясь тишиной. Он очень изменился за эти двадцать лет, постарел, конечно. Но главная перемена была не в этом. Из очень сильного, энергичного и активного молодого мужчины он превратился в молчаливого и, можно даже сказать, ленивого пожилого человека. После смерти Лиз его частенько можно было увидеть в пивном баре, где он засиживался допоздна. И хотя Марвин никогда не злоупотреблял крепкими спиртными напитками, дома тоже появились ёмкости с алкоголем. Сыновья пытались вначале приобщить его к своим жизненным проблемам и интересам, но все их попытки не увенчались успехом – отец не проявлял никаких признаков заинтересованности. Он замкнулся в себе. Даже с любимой дочерью теперь больше отдалчивался, хотя по-прежнему выслушивал её ободряющие рассказы из жизни знакомых, соседей и родственников. Когда Джулия просила помочь что-либо сделать, он безоговорочно выполнял, но молча, не демонстрируя радости или увлечённости. Дочь работала в школе неподалёку и частенько заскакивала домой на обед. По дому Марвин делал всё сам. Даже сейчас, несмотря на то, что ему было уже за семьдесят, он никого не просил помочь ему с домашними делами. Интересы к женщинам у него тоже не было. После смерти Лиз ни разу даже не попытался завести с кем-либо знакомство. Вначале родственники и друзья приглашали его в гости – на рождественский ужин или обед в День благодарения, но Марвин каждый раз находил отговорку. Постепенно он отдалился ото всех.

Марвин постоянно задавал себе один и тот же вопрос: что он сделал не так? Почему Лиз покинула его так рано? Винил во всём себя. Винил, что было трудно; винил, что много работал; винил, что у них почти никогда не оставалось времени для двоих, что за всю совместную жизнь так ни разу и не выбрались на отдых вдвоём. Винил, что недостаточно уделял внимания жене, каждый раз оправдываясь тем, что никогда не ревновал её. После смерти Лиз жизнь для него остановилась. И чем дольше он жил один, тем всё сильнее и сильнее скучал по ней, стараясь догнать время, которое вернуть было уже невозможно. Сразу же после похорон Марвин возвращался с работы и молча уса-

живался возле телевизора, ставя рядом на столик пиво. Через несколько месяцев начал ездить к ней на кладбище почти каждый день. Возвращался домой поздно и сразу же отправлялся спать.

Джулия заволновалась. Приехали сыновья, но ничего не могло. Марвин заявил, что с ним всё в порядке, молча вышел, сел в машину и уехал на кладбище.

Он разговаривал с Лиз, сидя на земле у небольшого скромного креста на её могиле. Разговаривал с ней о прошлом, начиная со знакомства, первого свидания и стараясь вспомнить всё до мельчайших подробностей.

Каждый раз он припоминал что-то новое и спешил рассказать ей об этом. Затем стал ездить на кладбище только по выходным, затем раз или два в месяц. Так продолжалось, пока он работал. Когда Марвин ушёл на пенсию, вечера просиживал в пивном пабе. Он практически ни с кем не разговаривал: либо смотрел спортивные передачи по телевизору, либо слушал, о чём говорили другие. Работники паба и завсегдатаи всегда приветливо здоровались и прощались с ним – он никому не мешал.

Два-три раза в год дети старались собраться дома вместе. Иногда это у них получалось, иногда нет. Старший сын женился. У него появились дети, двое, девочка и мальчик. Большой свадьбы не было, молодожёны провели недельку в круизе по Европе, освободив отца от ненужных хлопот. Когда в доме появлялись внуки, Марвин оставался дома. Был немногословен, но, пожалуй, это было единственное время, когда на его лице появлялась улыбка. Средний сын всё так же жил один, Джулия тоже. Обстановка дома оставалась натянутой: в разговорах чувствовалась неловкость и недосказанность. Джулия встречалась с парнями, но, как только отношения принимали серьёзный характер, она их тут же прекращала и долгое время после этого просиживала вечерами у компьютера или у телевизора.

Тогда Марвин становился ещё угрюмее. Дочь по-прежнему дружила с однокурсницей, что хоть как-то успокаивало Марвина. Он, как и прежде, очень любил дочь, но задушевности после смерти матери между ними не было.

Прошло двадцать лет, а Марвин так и не нашёл ответ на волновавший его вопрос. Он сидел на веранде и любовался природой. Видел, как из соседнего дома вышла женщина, села в машину и уехала – не первый раз он наблюдал за ней. Выглядела она немного моложе его, аккуратно одетая, с красиво уложенными волосами. Иногда видел её, играющей возле дома с внуками. При виде её Марвин всегда вспоминал Лиз. Вот и сейчас он смотрел вслед отъезжающей машине и вспомнил, как быстро и проворно Лиз собирала детей на занятия.

Вдруг машина развернулась и подъехала прямо к его дому. Женщина, открыв окно, приветливо помахала рукой. Марвин поднялся и неторопливо подошёл к машине.

Они никогда не разговаривали, не считая приветствия в виде лёгкого взмаха рукой.

– Марвин вас зовут, не так ли? Наши внуки иногда играют вместе. Простите, я еду в клуб. Мне очень нужно, чтобы сегодня у меня был партнёр. Пожалуйста, поедemте со мной. – Она смеялась. – Мне неловко просить вас об этом, но мы соседи уже столько лет! Пожалуйста. Я вам всё по дороге расскажу.

Марвин растерялся. Он? Куда? В клуб? С этой женщиной? Если бы это была Лиз...

– Хорошо, – неожиданно для себя сказал он, – я только переоденуть.

Соседка ждала в машине. Через пять минут Марвин вышел. Он надел лёгкие летние брюки тёмного цвета и голубую теннисную рубашку с короткими рукавами. Стоял тёплый летний вечер. Он сел рядом с ней в машину, и они отъехали.

– Меня зовут Челси. Мой муж умер несколько лет назад. Я живу в центре города, но в будни приезжаю помогать дочери с детьми. Я так люблю их! Всё равно я целыми днями не занята. И детям лучше, и мне не так одиноко. Сегодня у нас в клубе вечер «белого танца». Все придут парами. Я так никого и не нашла, а затем увидела вас и подумала: «Почему бы и нет?» Спасибо, что не отказали. Обещаю, вам понравится. Я хожу туда уже около пяти лет. У меня был партнёр по танцам, но он недавно женился, и я осталась без пары. – Женщина снова засмеялась.

Они ехали по знакомым улицам и вскоре остановились у двухэтажного здания на небольшой плазе. Вывеска гласила: «Танцевальный клуб Эммы». У входа стояли корзинки с цветами. За время дороги Марвин не произнёс ни слова. Он был как во сне. Марвин пропустил спутницу вперёд, придерживая двери. Красивые серебристо-голубые лёгкие шторы на окнах; в углу длинный стол, покрытый белоснежной скатертью и уставленный тарелками с бутербродами, фруктами, свежими овощами; рядом на небольшом столике кувшины с фруктовыми напитками и бутылки с водой. Люди группками рассеялись по всему залу. У дальней стенки на небольшом помосте расположился музыкальный ансамбль.

Челси подвела спутника к одной из групп и представила его своим друзьям. Марвин неловко улыбался, но продолжал молчать. «Неужели это происходит со мной?» – спрашивал он себя.

Люди в зале были почти одинакового с ним возраста: кто-то немножко моложе, кто-то постарше. Музыканты настраивали инструменты – слышались звуки гитары.

Солист подошёл к микрофону и запел. Это была известная «кантри», которую Марвин хорошо знал. Они с Лиз очень любили эту песню. Несколько пар вышли в центр зала и стали плавно двигаться в такт музыке. Челси посмотрела на Марвина и протянула ему руку...

Когда Марвин вернулся домой, он так и не смог толком объяснить Джулии, где он был, только неловко махнул рукой и пошёл в свою комнату.

Утром он проснулся, умылся, оделся и стал хлопотать по дому. Когда Джулия спустилась вниз в столовую, на столе лежал на тарелочке приготовленный для неё бутерброд и рядом «пыхтела» кофеварка. Марвин улыбался.

– Доброе утро, Джулия! Что-то ты сегодня позновато. Не опаздываешь?

Дочери трудно было догадаться, что же вчера произошло, но она улыбалась в ответ, и на душе у неё было легко и празднично. Перед ней стоял её отец – приветливый и жизнерадостный, как раньше. Джулия поела, пообещала вернуться с работы пораньше и ушла. Марвин выглянул ей вслед в окно. Затем надел кепку, взял садовые ножницы и вышел на приусадебный участок. Он чувствовал себя бодрым и здоровым – к нему вернулась жизнь. Вот именно так Лиз представляла себе их старость: помогать детям, встречаться с друзьями в клубе, путешествовать, ходить в театр. «Лиз, – сказал он про себя, – я всё помню, родная, я не забыл».

